

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Елена Николаевна ЭРТНЕР¹

Дарья Евгеньевна ЭРТНЕР²

УДК 82-32

МИФОПОЭТИКА СИБИРСКОГО САДА В ЛИТЕРАТУРЕ XIX — НАЧАЛА XX В.

¹ доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы,
Тюменский государственный университет
e.n.ertner@utmn.ru

² кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и перевода,
Тюменский государственный университет
d.e.ertner@utmn.ru

Аннотация

В статье рассматривается пространство сада в русской литературе XIX — начала XX в. Целью данного исследования стало выявление специфики структурирования ландшафта провинциального города и описание пространственных векторов развития художественного образа в региональной литературе. Доминантами пространства Сибири становятся локусы Дома и Сада, пространств, закрытых для окружающего мира, и в то же время открытых и взаимопроникающих — для посвященных. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и обусловлена необходимостью осмысления национально детерминированных пространственных ориентиров как в творчестве отдельного писателя, так и в региональной литературе в целом.

Цитирование: Эртнер Е. Н. Мифопоэтика сибирского сада в литературе XIX — начала XX в. / Е. Н. Эртнер, Д. Е. Эртнер // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2018. Том 4. № 2. С. 95-105.
DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-95-105

Семантические противопоставления сибирского Дома и Сада позволяют конституировать фрагмент пространства русской языковой картины мира. В результате исследования можно заключить, что семантическое поле пространственных отношений в литературе Тюменского края XIX в. неоднородно. Сад противопоставлен доминантному, репрезентирующему черты географического и символического пространства Сибири, «страны варварской» (Аввакум), «страны пустынных берегов» (Н. В. Шелгунов), «страны изгнания» (С. И. Турбин), «края ссылки и каторги» (Г. А. Мачтет), образу дома-крепости. Вместе с тем он предстает как обретенный изгнанниками (переселенцами) рай, созданный ими взамен утраченного рая, российской «земли обетованной». Семиотика сада конституируется за счет трансформации фитоморфных образов комнатных растений, по-новому объективируя антропоморфизм пространственной парадигмы. Таким образом, дом-сад открывается в новом ракурсе: не замкнутое пространство, маленькое и глухое, а просторное, где человек чувствует себя свободно и легко.

Ключевые слова

Мифопоэтика сада, семиотика пространства, локативный образ, ландшафт, сибирский дом, региональная литература.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-95-105

Мифопоэтика пространства занимает особое место в русской литературе XIX — начала XX в. Локативность в описании повседневного быта собственно и определяет национальное мышление и характер художественного дискурса. Основными вопросами осмысления пространства становятся, во-первых, его отношение к вне-системе, т. е. окружающему миру, и во-вторых, к его внутреннему устройству. Пространство «представляет собой универсальное видение мира, некие основные координаты измерения или ориентации человека» [6, с. 412]. Следовательно, можно говорить о пространстве естественном, природном и культурном, созданном человеком. Последним обычно выступает локус и ландшафт города. В связи с этим пространство воспринимается как культурная модель, некая абстрактная сущность [19, 20].

Сад, подобно городу, выступает своеобразным фронтиром, «границей», конфликтным пространством игры природного и культурного начал. Так, Е. Е. Дмитриева подчеркивает, что «проблема границ сада — проблема философская» [5, с. 21]. Сад — территория, связующая локусы леса и города, поэтому топос сада мыслится одновременно как ограниченное и как бесконечное пространство [8, 9]. Сад гармонизирует мир, актуализирует мифопоэтику рая.

Сад в прозе Тюменского края противопоставлен доминантному, репрезентирующему черты географического и символического пространства Сибири, «страны варварской» (Аввакум), «страны пустынных берегов» (Н. В. Шелгунов), «страны изгнания» (С. И. Турбин), «края ссылки и каторги» (Г. А. Мачтет), образу дома-крепости. Только дом-крепость может защитить оседлого сибирского человека, укрыть его от «чужого» взгляда, позволить ему остаться наедине с самим собой.

Окруженные огромным забором дом и сад — оберегаемое, скрытое, «свое» пространство, мир внутренней жизни. Сибирский сад не только рукотворное, но и чудесное, фантастическое место, подлинный «рай». А потому сад и город противостоят друг другу как геопозитическое и геоапокалиптическое пространства. «Взгляд» на дом-крепость «со стороны» и «изнутри» являют, кажется, в литературе XIX в. два разных мира: «Дом... был деревянный, одноэтажный, в нем, по сибирскому обыкновению, было удивительное количество окон, что придавало некоторым комнатам, густо заставленным притом цветами, вид каких-то оранжерей» [11, с. 150]. Такой тип дома с «удивительным количеством окон» мы видим и сегодня среди городской застройки Тюмени. Высокие многочисленные окна, находящиеся друг от друга на небольшом расстоянии, как бы открывают пространство дома: простенок и окно имеют почти одинаковую ширину.

Сибирский дом хочет вобрать в себя как можно больше солнечного света, возможно, поэтому уже в XIX в. в Тюмени существует традиция размещать в простенках высокие зеркала в узких деревянных рамах. Входя в такую гостиную, человек испытывает чувство, будто в комнате нет простенков, а есть только одно огромное окно, выходящее сразу на две стороны дома (гостиная, как правило, располагалась в угловой комнате). Пространство такой гостиной готово отдать тепло и свет комнатному «саду». Экзотические цветы сплетают свои узоры, превращая дом в «оранжерею». Но увидеть, понять это может только «приглашенный», «посвященный» в тайну внутреннего уклада жизни дома-сада.

Истинным украшением тюменского дома были и есть самые разнообразные комнатные цветы. В XIX в. разведением этих растительных культур «занимаются не только богатые, но вообще почти все население и притом весьма успешно» [13, с. 87]. Как сказано в разделе «Садоводство» журнала «Общепольный календарь для всех и каждого на 1915 год»: «Особенно популярно комнатное садоводство в северной полосе России... Наше комнатное садоводство, по крайней мере, на севере, стоит гораздо выше, чем за границей. Большой выбор и удачный подбор наших комнатных растений, в сравнении с заграничными, объясняется, в свою очередь, тем, что в наших комнатах средняя температура зимою значительно выше и гораздо равномернее, чем за границей» [13, с. 95].

Комнатные цветы удивительно прекрасны, они создают живую и теплую атмосферу дома. Растить цветы в Сибири — один из подлинных талантов горожанина. Чудесные, яркие, нежные цветы — тоже «жители» тюменского дома. Они выступают «символом пространства» [10].

Растительный ландшафт тюменских подоконников чрезвычайно богат еще в XIX в. Холодный климат и долгая зима кажутся не столь суровыми, если человек может позволить себе любоваться экзотикой цвета и форм домашних растений. Чаще всего избираются растения вечнозеленой флоры субтропиков и тропиков: дикий виноград, герань (пеларгония), бальзамин, множество разновидностей бегонии, гортензия, китайская роза (гибискус) и другие. Герани и бальзамины в тюменском доме — почти навязчивая деталь интерьера.

Страсть к экзотическим растениям сибиряков выражала потребность собрать весь мир в своем саду. Хозяева и их гости совершали тем самым своеобразное путешествие по великому миру природы, не покидая собственных поместий. Обитателями гостиных чаще становятся высокие и крупные растения, например пальмы. Наиболее распространены «финиковая настоящая», которую легко вырастить из косточки съедобного финика, а также «канарский финик» и «хаме-ропс». Традиция сажать финиковую косточку в связи с рождением ребенка, чтобы «оба растения» росли вместе, в Тюмени существует давно. И хотя вырастить «взрослую» пальму не столь просто, на старинных тюменских фотографиях мы видим комнаты, прямо-таки уставленные разнообразными огромными пальмами.

Сад комнатных цветов украшает келью игуменьи Ивановского монастыря в романе Н. А. Лухмановой «В глухих местах»: «Келья игуменьи была большая, светлая комната, единственную роскошь которой составляли цветы. Громадные олеандры цвели душистыми пунцовыми и белыми гроздьями, большие бледные и ярко-красные розы, раскинувшие, как в истоме, широкие лепестки, занимали у окон целую скамейку, резеда, гиацинты, левкой теснились всюду на подоконниках и столах. В углах в огромных кадках росли целые деревья китайских роз, на которых, казалось, было больше цветов, чем листьев. Сладкий приятный аромат мог непривычного человека довести до одури» [11, с. 178].

Пространство этой роскошной оранжереи, с ее прекрасными и редкими растениями, чудесным ароматом цветов, кажется нам раем, не слышно только пения птиц. «Райское место» цветет и благоухает. Цветы окружают человека, вовлекают его в свой мир, в котором он почти забывает себя, а непривычный человек может быть по-настоящему одурманен. Все растения подобраны не только на основании мощного цветения, но и сильного запаха, смешение запахов и создает «сладкий аромат».

Цветы повсюду: на подоконниках, столах и огромной скамье. Деревья китайских роз, громадные олеандры, яркий цветник резеды, левкоев и т. д. расположены по горизонтали и вертикали, то есть по всем канонам «цветочного интерьера». «Райские кущи» кельи — цветущий оазис, почти «потусторонний мир» в царстве холода и снега, представленного зимним пейзажем сибирской тайги.

Уникальный рукотворный сад не столь уж редкое явление провинциальной Тюмени прошлого века [3]. Описывая Аптекарский сад, И. Я. Словцов обратится и к образу «комнаты-оранжерейки»: «Стены небольшой комнаты при входе сплошь были покрыты живыми обоями роскошной *Passiflora* (кавалерийская звезда), а посредине, на широкой тумбе, стоял большой самодельный аквариум, в котором копошились какие-то глазастые, страшные такие тритоны. Чудные цветы пассифлеры, рассыпанные ярко-белыми крупными звездами в густой зелени стен, придавали маленькой комнате чарующую прелесть. Небольшая оранжерейка сплошь заставлена была орхидеями и красивыми целебными травками теплого климата» [15, с. 66].

Цветущий мир поражает воображение попавшего сюда. Поэтика «чудесного» реализуется в образах «самодельного аквариума», полного необыкновенных тритонов (чудесные существа), тропических растений, которым, казалось бы, нет места в Сибири, «чудного цветка», «целебных травок» (мотив чудесного исцеления). Метафорические сравнения: лианы — «живые обои», цветы — «звезды» в «небе зелени» — воссоздают поэтический, чудесный интерьер, позволяют представить «переживание» этого места человеком.

К волшебному пространству оранжереи приближена и теплица, размещаемая тюменскими хозяевами в саду: «...„теплушка“, где садовник из ссыльных, угрюмый Емельян, разводил всякую огородную „фрукту“: огурцы, редис и салат, которыми можно было щегольнуть среди зимы» [11, с. 156]. В речи повествователя мы слышим интонации и узнаем лексику «местного наречия». Чудесные растения тюменских городских усадеб скрыты от стороннего наблюдателя, они воспринимаются им как «чрезмерное богатство» тюменского купца, позволяющего себе «заморские яства».

«Рай» за высоким забором — сад, окружающий дом тюменца. Окна его внутренних покоев: спальни, «будуара» купчихи, столовой и др. — часто «смотрят в сад». У домашнего сада есть свое «устройство», хорошо продуманное хозяевами. Здесь часто накрывается стол для гостей в летнее время, туда выходит терраса, на которой сидят летом в дождь. И потому сад — «выражение лица» хозяев, душа дома живет здесь.

Цветники в домашних садах Тюмени начала XX в. имеют строгую компоновку. Они всегда были расположены около дома. Клумбы были круглыми, овальными или в виде звезд. Их края были обозначены не белеными кирпичиками, а обрамлены «специальными украшениями в виде жестяных виньеток, приобретаемых в магазинах» [4, с. 7]. Убирались или втыкались в землю они очень просто, благодаря длинненькому штырю. Их можно было окрашивать в любой цвет, а «размеры варьировались от 20 до 35 сантиметров», а потому ими можно было «составлять» клумбы любой формы.

У каждого растения, высаживаемого на клумбу весной (как правило, рассадой), место было определено: цветы должны были составлять узоры. Варианты таких узоров предлагались различными журналами, выписываемыми горожанами: «Приложением к журналу „Нива“», «Приложением к журналу „Родина“» и другими.

Любители цветников в Тюмени могли выписать специальный «Альбом планов для разбивки цветников, партеров и клумб» В. И. Певецкого (1913). Его автор обращался к своим читателям: «Здесь кроме общих указаний, чертежей и рисунков, необходимых для разбивки цветников и газонов, я привожу и название посадочного и посевного материала, при хорошем сочетании которого внешняя форма и красочность растений, а также распределение в различных соотношениях, дают нам художественные картины живой природы, ласкающие и радующие взор» [12, с. 3].

Литературные персонажи, проживающие в Тюмени того времени, вслед за своими «прототипами» экспериментируют, поражая воображение современни-

ков. Садовый ландшафт был разнообразен: «На клумбах, в центре, возвышались чудесные садовые вазы, полные цветов, на разнообразных постаментах росли высаженные в грунт на лето пальмы» [14, с. 89]. Между садовниками существовало негласное соревнование, о тюменских клумбах ходили легенды.

Так, любимый сад Круторогихи в романе Н. А. Лухмановой имеет цветник и аллеи: «От затейливых куртин, расположенных звездами и „планидами“, шла приятная духовитость. Громадные березы кудрявились вдоль аллей, усыпанных красным песком. Среди лужаек стояли три стройных темно-зеленых кедра, посаженных Артамоном в честь трех сыновей, родившихся уже в этом доме... В глубине сада была круглая беседка из самоцветных стеклышек» [11, с. 79].

Сад Настасьи Петровны Крутороговой отражает и среднерусское, и таежное пространство края: в нем «уживаются» и березы, и кедры. Это Россия, но и Сибирь. «Беседка из самоцветных стеклышек» — особая постройка, она соединяет бытовое назначение с «чудесным». Гость в такой беседке будет развлечен игрой цвета и света, и хозяевам есть чем похвастаться. Сад предполагает и другие развлечения. В крутороговском саду для этой цели, например, «были устроены кегли». Подобные пейзажные сады также репрезентируют «природный» мир в пределах отдельной усадьбы. Кроме того, с точки зрения организации садово-парковой архитектуры, сад предполагает наличие аллей. Аллеи структурируют ландшафт, формируют пространство сада, выстраивая его динамику [16].

Любуются герои романов о Тюмени не только хорошо ухоженными, но и заросшими старинными садами: «В саду, прилегавшем к дому... не было никакого плана, он был накрест пересечен двумя аллеями; в первых двух квадратах были гряды с земляникой и кой-какими овощами, два задние квадрата густо заросли малинником, который к забору переходил в целый лес сорных трав: колючий репейник, жгучая крапива да громадные кусты шиповника заграждали туда всякий путь. Зато поперечная аллея была засажена высокими липами и такими густыми акациями, что верхние ветви их сплетались и образовывали над аллеей ажурную крышу, сквозь которую лучи солнца падали на желтый песок подвижными золотыми нитями и пятнами. В конце этой аллеи стояла полукруглая скамейка и перед нею стол» [11, с. 148].

План сада предусматривал цветник, за ним шли аллеи деревьев (липовые, березовые и т. д.), потом ягодные кусты и деревья плодовые: «яблони, требующие рачительного ухода и покрышки на зиму, крыжовник, вишня, малина, только в самом конце сада „прятался“ огород» [1, с. 401]. Были в Тюмени и прекрасные вишневые сады, где росли не только «кусты», но и вишневые деревья. Правда, им был нужен хороший уход, но зато как прекрасно они выглядели в своем цветении или в период плодоношения, или осенью, покрытые резными, ярко-желтыми листочками на фоне черных мокрых стволов. А как благоухали весной и осенью яблоневые сады!

В заброшенном же саду все перепутано: в нем не трудится профессиональный садовник. Овощи и ягодники располагаются, как удобно кухарке. Сорные

травы душат сад. Но красота места — в аллее лип и акаций, создающих особый храм в саду. Полукруглая скамейка и стол приглашают отдохнуть в тени и полюбоваться игрой света на песке дорожек. Романтическое место, где гуляют редко, и читатель чувствует себя единственным «гостем», забредшим сюда. Зброшенные тюменские сады вызывают ностальгию по прошлым временам.

Таким образом, дом-сад открывается в новом ракурсе: не замкнутое пространство, маленькое и глухое, а просторное, где человек чувствует себя свободно и легко. Попадая в этот мир, узнаешь назначение и название служб, сад неожиданно представляется продолжением дома. Комнатные оранжереи и сад создают единое пространство.

Это уже не крепость, а «усадьба». Тюмень строилась таким способом, возможно, по аналогии с российским «дворянским гнездом», развивая его традиции. Но тюменские «усадьбы» и «поместья» более напоминают купеческие: «Усадьба открывается цветущими садами и зеленеющими огородами, купеческим широким „привольем“ многочисленных амбаров, сараев, чудесных беседок и вычурных галдареек» [2, с. 92]. В этом смысле тюменский сад, как уже было замечено, не есть лишь «память о рае», но и «рай памяти»: в нем присутствуют географические и исторические «цитаты» среднерусской усадьбы.

Человек в такой усадьбе свободен в передвижении: ему есть куда отправиться, где погулять. Добротность и надежность дома делают его укрытием. Житель «сам хоронится от злого взгляда, бережет свои духовные ценности» [18, с. 147].

Жизнь «за высокими заборами» открывается только имеющему туда доступ человеку. Не случайно в литературе XIX в. используется прием, когда повествователь «ведет» за собой читателя, «вводит» его в дом, постепенно открывая ему устройство дома, знакомя с частной жизнью своих героев. В романе Н. А. Лухмановой темная, «невеселая» тюменская улица Заречья противопоставлена яркой, даже пестрой картине домашнего уклада известного кожевенного промышленника Круторогова.

Любимое место хозяйки дома расположено на «галдарейке», увитой зеленью, с открывающимся видом на клумбы и сад: «Тут, в укромном уголке стоял широкий потертый диван, перед ним стол, створчатый, накрытый синим столешником, и шкаф с висячим замочком. Здесь любила сидеть с „мил человеком“ Настасья Петровна Круторогова» [11, с. 21]. Читатель живо представляет назначение этого «уголка», где приятно посидеть, закусить, попить чайку и поговорить, посплетничать гостям Круторогихи.

Сад всегда противопоставлен тайге, ибо она — олицетворение хаоса, стихии. В отличие от среднерусского, сад не переходит, «не открывается» в лес, всегда имеет ярко выраженную границу. Его деревья и цветы, живые, яркие и прекрасные, часто вовсе не сибирского происхождения: они жители далекого цветущего юга или России. Растения появились здесь благодаря усилиям человека, решившего преодолеть «царство снега и холода». Сад в литературе Тюменского края XIX в. предстает как обретенный изгнанниками (переселенцами) рай, созданный ими взамен утраченного (навсегда покинутого) рая, российской «земли обетованной».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. А. Город Тюмень / Н. А. Абрамов. Тюмень, 1998. 411 с.
2. Боборыкин П. Д. Китай-город / П. Д. Боборыкин. М., 1979. 592 с.
3. Вергунов А. П. Русские сады и парки / А. П. Вергунов, В. А. Горохов. М., 1988. 407 с.
4. Вся Тюмень. Спутник пассажира. Календарь и справочная книжка на 1910 год. Тюмень, 1911. 135 с.
5. Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. М., 2003. 503 с.
6. Евтушенко Е. Н. Пространственная ориентация / Е. Н. Евтушенко // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. М., 2007. С. 413-424.
7. Иконников П. С. Город Тюмень / П. С. Иконников // Родина. 1908. № 4. С. 57-72.
8. Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84-92.
9. Лихачев Д. С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. 3-е изд., испр. и доп. М.: Согласие: Тип. «Новости», 1998. 471 с.
10. Лотман Ю. М. Символические пространства // Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб., 2000. С. 297-335.
11. Лухманова Н. А. В Глухих местах / Н. А. Лухманова // Очерки из жизни в Сибири. СПб., 1896. 222 с.
12. Певецкий В. И. Альбом планов для разбивки цветников, партеров и клумб / В. И. Певецкий. М.: Издание т-ва Агроном, 1913. 197 с.
13. Петров В. А. Садоводство / В. А. Петров // Общепольный календарь для всех и каждого на 1915 год. М., 1914. С. 61-98.
14. Саводник Е. Д. Садоводство / Е. Д. Саводник // Паломник. 1901. С. 75-81.
15. Словцов И. Я. Письма из Тюмени претендента на должность городского головы / И. Я. Словцов // Литературные фантомы. Тюмень, 1997. С. 66.
16. Топоров В. Н. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы / В. Н. Топоров. 2010. Том 1. 448 с.
17. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследование в области мифопоэтического / В. Н. Топоров. М., 1995. 624 с.
18. Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания: в 2 ч. / Н. М. Чукмалдин. Тюмень, 1899. Ч. 1.
19. Szwedek A. Conceptualization of Space and Time / A. Szwedek // Language, Science and Culture / P. Łobacz, P. Nowak, W. Zabrocki (eds.). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2009. Pp. 317-333.
20. Mischell J. Metaphor across Time and Conceptual Space: The Interplay of Embodiment and Cultural Models / J. Mischell. Amsterdam, 2013. 252 p.

Elena N. ERTNER¹

Daria E. ERTNER²

UDC 82-32

MYTHOPOETICS OF THE SIBERIAN GARDEN IN THE LITERATURE OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

1 Dr. Sci. (Phylol.), Professor,
Department of Russian and Foreign Literature,
University of Tyumen
e.n.ertner@utmn.ru

2 Cand. Sci. (Phylol.), Associate Professor,
Department of English Philology and Translation Studies,
University of Tyumen
d.e.ertner@utmn.ru

Abstract

This article deals with the spatial image of the garden in the Russian literature of the 19th — early 20th centuries. This study aims to identify the landscape peculiarities of the provincial town and analyze spatial vectors of the literary image in the regional discourse. The special dominants of Siberia are the locations of the House and Garden, the spaces, which are closed to the outside world and at the same time open and interpenetrating — to those, who view them from inside.

Semantic oppositions of the Siberian House and Garden allow forming the spatial fragment of the Russian language world view. It can be concluded that the semantic field of spatial relations in the Tyumen region literature of the 19th century is heterogeneous. The image of the Garden is opposed to dominant for both geographical and symbolic spaces image of Siberia as a fortress house: “the barbarian country” (Abbacum), “the Kingdom of blizzard and frost, where there is no life” (K. F. Ryleev), “the place of exile and hard labor” (G. A. Machtet). Meanwhile, it can be viewed as a Paradise found by those in exile, created by them in exchange

Citation: Ertner E. N., Ertner D. E. 2018. “Mythopoeitics of the Siberian Garden in the Literature of the 19th — Early 20th Centuries”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates, vol. 4, no 2, pp. 95-105.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-95-105

for the lost Paradise, the Russian “promised land”. The semiotics of the garden is formed by the transformation of phytomorphic images of house plants. Thus, the concept “the House — Garden” can be approached from a new perspective: not a bounded space, being small and enclosed, but rather spacious, where people feel free and easy.

Keywords

Garden poetics, semiotics of space, locative image, landscape, Siberian house, regional literature.

DOI: 10.21684/2411-197X-2018-4-2-95-105

REFERENCES

1. Abramov N. A. 1998. “Gorod Tyumen” [The Town of Tyumen]. Tyumen.
2. Boborykin P. D. 1979. “Kitai Gorod” [China-Town]. Moscow.
3. Vergunov, A. P. 1988. “Russkie sady i parki”. [Russian Gardens and Parks]. Edited by A. P. Vergunov and V. A. Gorokhov. Moscow.
4. Vsy Tyumen’. Sputnik passagira. Kalendar’ i spravochnaya knigka na 1910 god. [The Whole Tyumen. Passenger Companion. The Calendar and the Directory for 1910]. Tyumen, 1911.
5. Dmitrieva E. E., Kuptsova O. N. 2003. Zhizn’ usadebnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai [Life of the Estate Myth: Lost and Found Paradise]. Moscow.
6. Yevtushenko E. N. 2007. “Prostranstvennaya orientaciya” [Spatial Orientation]. In: Karasik V. I., Sternin I. A. (eds.). Antologiya konceptov [Anthology of Concepts], pp. 413-424. Moscow.
7. Ikonnikov P. S. 1908. “Gorod Tyumen”’. [Town of Tyumen]. Rodina, no 4, pp. 57-72.
8. Kubryakova E. S. 2000. “O ponnyatiah mesta, objekta i prostranstva” [On the Concepts of Place, Object and Space]. In: Arutyunova N. D., Levontina I. B. (eds.). Logicheskii analiz yazyka. Yazyki i prostranstva [Logical Analysis of the Language. Languages of Space], pp. 84-92. Moscow.
9. Likhachev D. S. 1998. “Poeziya sadov: k semantike sadovo-parkovykh stilei. Sad kak tekst” [Poetry of Gardens: on the Semantics of Garden Styles. The Garden as a Text]. 3rd edition. Moscow.
10. Lotman Yu. M. 2000. “Simvolicheskie prostranstva” [Symbolic Space]. In: Lotman Yu. M. Semiosfera. [Semiosphere], pp. 297-335. Saint Petersburg.
11. Likhmanova N. A. 1896. “V gluhikh mestakh” [In Distant Places]. In: Likhmanova N. A. Ocherki iz zhizni v Sibiri [Essays from Life in Siberia]. Saint Petersburg.
12. Pewitskii V. I. 1913. Al’bom planov dlya razbivki tsvetnikov, parterov i klumb [Album of Plans for Forming Flowerbeds and Stalls]. Moscow.
13. Petrov V. A. 1914. “Sadovodstvo” [Gardening]. In: Obschepoleznyi calendar’ dlya vseh i kazdogo na 1915 god [Useful Calendar for Everyone for 1915], pp. 61-98. Moscow.
14. Savodnik E. D. 1901. “Sadovodstvo” [Gardening]. In: Palomnik [Pilgrimage], pp. 75-81.

15. Slotvsov I. Ya. 1997. "Pis'ma iz Tyumeni pretendenta na dolzhnost' gorodskogo golovy" [Letters from Tyumen of the Applicant for the Position of a Mayor]. In: Literaturnye fantomy [Literary Phantoms], p. 66. Tyumen.
16. Toporov V. N. 2010. Mirovoyederevo. Universal'nye znakovyekompleksy [World Tree. Universal Sign Complexes]. Vol. 1.
17. Toporov, V. N. 1995. Mif. Ritual. Simvol. Obraz. Issledovanie v oblasti mifopoeicheskogo [Myth. Ritual. Symbol. Image. Research in the Field of Mythopoeics]. Moscow.
18. Chukmaldin N. M. 1899. Moi vospominaniya [My Recollections] in 2 vols. Vol. 1. Tyumen.
19. Szwedek A. 2009. "Conceptualization of Space and Time". In: Łobacz P., Nowak P., Zabrocki W. (eds.). Language, Science and Culture, pp. 317-333. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
20. Mischell J. 2013. Metaphor across Time and Conceptual Space: The Interplay of Embodiment and Cultural Models. Amsterdam.